

Пресвятая Богородица, спаси нас!

ГОСТИНО, Богородское тожд

Газета Богородицерождественского храма г. Королёва

Храм создан в 1689 г. Разрушен в 1954 г. Возрожден в 2005 г.

Издается по благословию Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия

№4 (66), апрель 2014 г.

КАКОЕ СЧАСТЬЕ! ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Эти слова я с ликованием напевал, возвращаясь из храма мучеников Адриана и Наталии, что на Ярославке, после ночной пасхальной службы, первой в моей жизни, в теперь уже таком далёком 1979 году. Не прошло ещё и года, как я принял святое Крещение и стал христианином, что было в то время не только не модно, но и довольно опасно. К тому же у меня было несколько знакомых, тайных христиан, — учёные, литераторы, чьим мнением я дорожил, но страдал в их обществе, так как чувствовал одновременно и свою какую-то раздвоенность, и их невольное смущение. Кто же я был для них на самом деле?

Но вот, наконец, и я стал христианином! Вроде того новобранца-добровольца, который записался в воинскую часть и благополучно вернулся домой продолжать мирную жизнь. Потому что для того, чтобы стать подлинным духовным воином, то есть начать молиться, исповедоваться и причащаться, мне потребовалось пройти ещё очень долгий путь.

Однако в то утро я об этом не думал. Мне казалось, что главное — это уверовать. И я уверовал! Потому что без этого ощущения, чтобы быть честным перед собою, я бы ни за что не принял христианство. А тут границы видимого мира как будто вдруг сами раздвинулись.

Я смотрел на пустынную улицу — никто не попадался мне навстречу. Только из храма впереди шли несколько человек, но я быстрым шагом их опередил. И это мне тоже показалось глубоко символичным: ни души! Лишь я и — воскресший Христос! Казалось, беспредельный мир вширь и ввысь до самого синего неба разверзся предо мною, так что даже дух захватило:

— Ну, надо же! Какое счастье! Воскрес! Для меня, исключительно для меня, чтобы я не был одиноким, воскрес Христос!

Оказывается, уже тогда, две тысячи лет назад, когда Его убивали, Он знал, что я появлюсь на свет и буду нуждаться в Нём, мне будет без Него очень пустынно, даже в обществе вот этих самых достойных моих знакомых христиан! Ведь каждый человек рано или поздно осознаёт своё одиночество, как бы он ни был общителен, и сколько бы ни крутилось вокруг него друзей и почитателей, если без Бога.

И вот Он воскрес! Я только сегодня это понял и вдруг сделался самым великим богачом! Я обрёл воскресшего Бога, которого, оказывается, уже давным-давно ждал, искал, даже не подозревая об этом. Заполнилась пустота, которая ныла, как незаживающая рана, и кончилось мучительное раздвоение!

Удивительно: сегодня Бог воскрес, и я как будто тоже воскрес вместе с Ним! Это ли не чудо?! Да, уверовал. Да, принял Крещение. Да, как будто стал христианином. Но чего-то ещё не доставало душе! Оказалось — Самого Христа, воскресшего!

В то утро, кажется, я впервые ощутил себя подлинно счастливым.

Счастье! Как же человек тоскует по этому удивительному, хотя и вполне естественному состоянию!

Однажды, это было в Кане Галилейской (Ин. 2:1-11), друзья пригласили Иисуса на брак. Обычное дело: молодые люди женятся. Но вот

беда: в самый разгар застолья в доме кончилось вино! И, похоже, молодожёнам не на что пойти докупить. Вот несчастье! Легко представить их смутение: невеста утешает своего возлюбленного, но жених в полном отчаянии. Такого позора в день своей свадьбы он не может пережить: ведь это — восток!

Как же рядом уживаются в нашей жизни эти два крайних полюса — счастье и несчастье, разнесённых, кажется, на бесконечность!

В Кане Галилейской явным образом вмешался Бог: прилюдно претворил в вино огромные сосуды с водой, и — вернулось счастье!

Но потом к Самому Иисусу подступила смертельная опасность. За Ним иудеи стали охотиться, точно ищейки, чтобы погубить.

У меня было маленькое Евангелие карманного формата на русском языке. Я и сейчас его храню как бесценную реликвию. Мне его подарила одна старушка, староста храма, ещё до моего Крещения. Это был неслыханный подарок! В советское время Священное Писание было запрещённой литературой. Я с жадностью накинулся на него и, помню, испытал жгучее желание предотвратить преступление 2000-летней давности, предупредить, уберечь Иисуса от коварных вражеских замыслов. Помешать осуществиться невозможному!

Долго потом, перечитывая это Евангелие и приближаясь к трагической развязке, я невольно всякий раз опять замедлял чтение, всматриваясь в текст, точно надеясь между строк найти какой-то иной исход событий, но неизменно терпел крушение. Непостижимо! Он, всемогущий Бог, — и такая беспомощность! Несмотря на бесконечное

моральное превосходство над врагами, несмотря на поразительную лёгкость, с которой Он мог бы взять над ними верх, — Его всё-таки убивали!

Для меня это было личным горем! И я ни с кем его не мог разделить.

Но я не понимал тогда одной простой вещи. Не знал, что в отличие от меня, интеллигента, воспитанного в духе господствующих в ту эпоху жёстких штампов, типа «если враг не сдаётся — его уничтожают», Бог-Человек Иисус учил совсем другому: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин. 12:24).

Вот, оказывается, что долгие годы ускользало от моего внимания. Иисус сознательно шёл к иудеям, как говорится, с открытым забралом. Он всё знал наперёд (см. Ин. 6:64). Он и пришёл-то в земную жизнь вовсе не для того, чтобы всех нас исцелить, оживить, накормить и сделать счастливыми, а Самому навечно стать земным Царём. Люди однажды и собирались осчастливить Его такой перспективой, когда Он накормил пятитысячную толпу пятью хлебами. Но Он уклонился (Ин. 6:15). Счастье — это понятие исключительно земное. Он же пришёл, чтобы служить вечно. Совершить то, чего я панически боялся: чтобы быть убитым. Даже не только за этим. Не это было главным в Его приходе, хотя и необходимым. Он пришёл для того, чтобы быть убитым и ВОСКРЕСНУТЬ!

Как же я этого не понимал столько времени!

Только теперь, этим утром, когда я возвращался после ночной пасхальной службы, меня вдруг озарило. Мне открылся истинный смысл подвига Христа, и с души как будто своротился камень, который мешал вздохнуть полной грудью.

Оставалось только найти подтверждение. Я кинулся снова перечитывать свою заветную книжечку-Евангелие. И точно! Сразу нашёл нужное место, вот оно: «О, бессмысленные и медлительные сердцем... Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» (Лк. 24:25-26).

«Бессмысленные и медлительные!» Как точно сказал обо мне Христос!

У меня ком подкатился к горлу. Он в самую глубину заглянул моей души, пугливой, маловойрной. Вот, оказывается, почему я так долго медлил полностью довериться Ему, последовать за Ним. Голгофа меня пугала. Это был ужас. Катастрофа, за которой мне виделась лишь непроглядная тьма. А оказалось, за ней как раз и открывался смысл не только нашей земной жизни, но и нашего спасения.

Я точно из тёмного помещения вышел на яркий солнечный свет.

Оказывается, за Голгофой было Воскресение!

Вот оно, центральное ядро, завершающее событие всего евангельского повествования, которое я до сих пор будто не замечал, но которое, наконец-то, пережил в тот далёкий, незабываемый пасхальный день, разделивший мою жизнь надвое: «был мёртв и ожил, пропал и нашёлся» (Лк. 15:32).

Тот далёкий пасхальный день 1979 года для меня навсегда стал и моим личным воскресением.

Настоятель храма
протоиерей Борис Куликовский

«Боянская»

Икона написана маслом на доске размером 55 x 77 см и относится к типу Одигитрия. Младенец сидит на левой руке Богородицы, а правой рукой Богородица придерживает Его столу. Богомладенец облачен в белый хитон и гиматий охристого цвета, правой рукой Он благословляет, левая возлежит на державе.

Икона была написана в 1991 году для иконостаса храма Рождества Пресвятой Богородицы Боянского монастыря. Иконостас обновлялся после запустения церкви.

18 декабря 1993 года, накануне праздника в честь Николая Чудотворца, во время богослужения отец Михаил заметил, что глаза Божией Матери наполнились слезами, обильно стекающими по иконе. Сперва священник подумал, что на иконе просто собрался конденсат, но приглядевшись он заметил, что слёзы истекают непосредственно из глаз Богородицы. Факт заметили и присутствующие прихожане, которые вместе со священником не знали, как объяснить происходящее, читая об этом лишь в книгах и никак не ожидавшие увидеть это собственными глазами.

После завершения службы отец Михаил (ныне Лонгин, епископ Банченский) попросил прихожан соблюдать спокойствие, запер храм и, положив ватку в основание иконы, чтобы собрать чудесную влагу, опечатал храм и сообщил о случившемся правящему архиерею архиепископу Онуфрию (ныне местоблюстителю Киевской митрополичьей кафедры). Владыка на следующий же день посетил храм и убедился в явлении чудотворной иконы.

Вскоре у иконы произошло первое исцеление ребёнка со злокачественной опухолью

мозга IV степени. Его мать, прослышав о чудотворной иконе, привезла в Бояны маленького Георгия в последней надежде, поскольку врачи объявили его неизлечимым. После общей молитвы прихожан и отца Михаила мать снова повезла маленького Георгия к врачам. Врачи констатировали исчезновение опухоли.

Второе чудесное исцеление у иконы произошло в том же 1993 году. Тяжелобольной онкологическим заболеванием православный священник Игорь приехал из Польши в Бояны вымолить у Матери Божией терпение и силы в болезни, чтобы достойно перенести неизлечимый недуг и по-христиански принять кончину. Но Господь судил иначе. Отец Игорь исцелился.

Чудеса, происходящие от иконы, были тщательно изучены и представлены в Синодальную комиссию. 4 октября 1994 года на заседании Священного Синода УПЦ МП под председательством митрополита Киевского и всея Украины Владимира икона признана чудотворной и получила название «Боянская» (в честь места, где явила свои чудеса).

28 декабря 1999 года при церкви в честь Рождества Богородицы решением Священного Синода Украинской Православной Церкви был основан Боянский женский монастырь.

Празднование иконе Божией Матери «Боянская» – 25 сентября. Накануне совершается крестный ход из города Черновцы в село Бояны (около 17 км), традиционно возглавляемый правящим архиереем.

Православная энциклопедия

КАК ПРАЗДНОВАЛИ ПАСХУ

Сегодня вся вселенная, как одно семейство, собравшееся для одного занятия, оставив дела обыкновенные, как бы по данному знаку, обращается к молитве.

Нет сегодня путников на дорогах; не видно мореплавателей на море; земледelec, оставив плуг и заступ, украсился праздничной одеждой; корчемницы стоят пустыми, исчезли шумные сборища, как исчезает зима с появлением весны; безпокойства, смятения и бури житейские сменились тишиной праздника. Бедный украшается как богатый; богатый одевается великолепно обыкновенного; старец подобно юноше спешит принять участие в радости, и больной преодолевает болезнь свою; дитя, переменяв одежду, празднует чувственно, потому что еще не может праздновать духовно; девственница веселится душой, потому что видит светлый торжественный залог своей надежды; мать семейства, торжествуя, радуется со всеми домашними своими, и сама она, и муж её, и дети, и слуги, и домочадцы, все веселятся.

Как новый, только что образовавшийся рой пчёл, в первый раз вылетающий из пчельника на свет и воздух, весь вместе садится на одной ветви дерева, так и в настоящий праздник все члены семейств отовсюду собираются в свои дома. И поистине справедливо сравнивают настоящий день с днем будущего воскресения, потому что тот и другой собирает людей; только тогда соберутся все вместе, а теперь собираются по частям. Что же касается радости и веселия, то по всей справедливости можно сказать, что настоящий день радостнее будущего: тогда по необходимости будут

плакать те, коих грехи обличатся; ныне, напротив, нет между нами печальных. Ныне и праведник радуется, и неочистивший свою совесть надеется исправиться покаянием. Настоящий день облегчает всякую скорбь, и нет человека так печального, который не находил бы утешения в торжестве праздника.

Ныне освобождается узник; должнику прощается долг; раб получает свободу, по благому и человеколюбивому воззванию Церкви. Если бы даже раб сделал много важных проступков, которых нельзя ни простить, ни извинить, и тогда господин его из уважения ко дню, располагающему к радости и человеколюбию, приемлет отверженного и посрамленного, подобно фараону, извешемому из темницы виночерпия; ибо знает, что в день будущего воскресения, по образу коего мы чувствуем настоящий день, он и сам будет иметь нужду в долготерпении и благодати Господа и потому, оказывая милость ныне, ожидает воздаяния в тот день.

Отымите печаль у душ, удрученных скорбью, как Господь отъял умерщвление от нашего тела, возвратите честь посрамленных, обрадуйте печаленных, как во гробе, в темных углах ваших домов; пусть для всех цветёт, как цветок, красота праздника. Если день рождения земного царя отверзает темницы, то ужели победный день воскресения Христова не утешит скорбящих.

Бедные, примите с любовью день сей, питающий вас. Расслабленные и увечные, приветствуйте день сей, врачующий ваши болезни. В нём сокрыта надежда вашего воскресения, которая

побуждает ревновать о добродетели и ненавидеть порок; ибо с уничтожением мысли о воскресении у всех будет одна господствующая мысль: «Станем есть и пить, ибо завтра умрём» (1 Кор. 15, 32).

Святитель Григорий Нисский (IV в.)

Нѣса ѡубо достѡйно да веселѣтса, земля же да радѣтса, да прѣзднѣтъ же мѣръ,
вѣднмый же вѣсь ѡ невиднмый: хртѡсъ во воста, веселѣе вѣчное.

КАНУН ПАСХИ

Утро Великой Субботы запахло куличами. Когда мы ещё спали, мать хлопотала у печки. В комнате прибрано к Пасхе: на окна висели снеговые занавески, и на образе «Двунадесятых праздников» с Воскресением Христовым в середине висело длинное, петушками вышитое полотенце. Было часов пять утра, и в комнате стоял необыкновенной нежности янтарный свет, никогда не виданный мною. Почему-то представилось, что таким светом залито Царство Небесное... Из янтарного он постепенно превращался в золотистый, из золотистого в румяный, и, наконец, на кикотах икон заструились солнечные жилки, похожие на соломинки.

Увидев меня проснувшимся, мать засуетилась.

— Сряжайся скорее! Буди отца. Скоро заблаговестят к Спасову погребению!

Никогда в жизни я не видел ещё такого великолепного чуда, как восход солнца!

Я спросил отца, шагая с ним рядом по гулкой и свежей улице:

— Почему люди спят, когда рань так хороша?

Отец ничего не ответил, а только вздохнул. Глядя на это утро, мне захотелось никогда не отрываться от земли, а жить на ней вечно, — сто, двести, триста лет, и чтобы обязательно столько жили и мои родители. А если доведётся умереть, чтобы и там, на полях Господних, тоже не разлучаться, а быть рядышком друг с другом, смотреть с синей высоты на нашу маленькую землю, где прошла наша жизнь, и вспоминать её.

— Тять! На том свете мы все вместе будем?

Не желая, по-видимому, огорчать меня, отец не ответил прямо, а обняком (причём крепко взял меня за руку):

— Много будешь знать, скоро состаришься! — а про себя прошептал со вздохом: «Расстанная наша жизнь!»

Над гробом Христа совершалась необыкновенная заупокойная служба. Два священника читали поочерёдно «непорочны», в дивных словах оплакивавшие Господню смерть:

«Иисусе, спасительный Свете, во гробе темном скрылся еси: о несказанного и неизреченного терпения!»

«Под землею скрылся еси, яко солнце ныне, и нощию смертною покровен был еси, но возсияй Светлейше Спасе».

Совершали каждение, отпевали почившего Господа и опять читали «непорочны».

«Зашел еси Светотворче, и с Тобою зайде Свет солнца».

«В одежду поругания, украситель всех, облекавши, иже небо утверди и землю украси чудно!»

С клироса вышли певчие. Встали полукругом около Плащаницы и после возгласа священника: «Слава Тебе, показавшему нам Свет» запели «великое славословие» — «Слава в вышних Богу»...

Солнце уже совсем распахнулось от утренних одеяний и засияло во всём своём диве. Какая-то всполошенная птица ударила клювом об оконное стекло, и с крыш побежали бусинки от ночного снега.

При пении похоронного, «с завоем», — «Святый Боже», при зажжённых свечах стали обносить Плащаницу вокруг церкви, и в это время перезванивали колокола.

На улице ни ветерка, ни шума, земля мягкая, — скоро она совсем пропитается солнцем...

Когда вошли в церковь, то все пахли свежими яблоками.

Я услышал, как кто-то шепнул другому:

— Семиградский будет читать!

Спившийся псаломщик Валентин Семиградский, обитатель ночлежного дома, славился редким «таланом» потрясать слушателей чтением

паремий и Апостола. В большие церковные дни он нанимался купцами за три рубля читать в церкви. В длинном, похожем на подрясник, сюртуке Семиградский, с большою книгою в дрожащих руках, подошёл к Плащанице. Всегда тёмное лицо его, с тяжёлым мохнатым взглядом, сейчас было вдохновенным и светлым.

Широким, крепким раскатом он провозгласил: «Пророчества Иезекиилева чтение»...

С волнением и чуть ли не со страхом читал он мощным своим голосом о том, как пророк Иезекииль видел большое поле, усеянное костями человеческими, и как он в тоске спрашивал Бога: «Сыне Человеч! Оживут ли кости сии?» И очам пророка представилось — как зашевелились мертвые кости, облеклись живою плотью и... встал перед ним «велик собор» восставших из гробов...

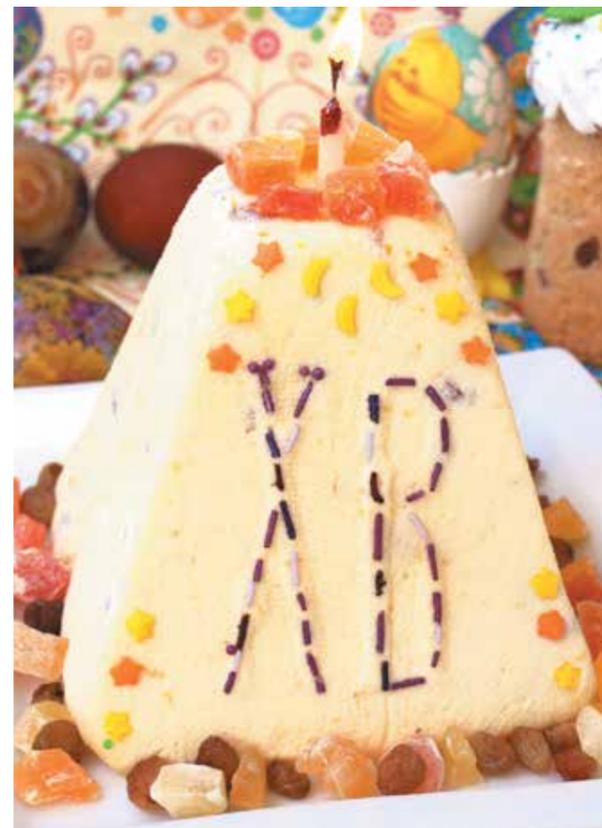
С погребения Христа возвращались со свечками. Этим огоньком мать затепляла «на помин» усопших сродников лампаду перед родительским благословением «Казанской Божией Матери». В доме горело уже два огня. Третью лампаду — самую большую и красивую, из красного стекла, — мы затеплим перед пасхальной заутреней.

— Если не устал, — сказала мать, приготовляя творожную пасху («Ах, поскорее бы разговенье! — подумал я, глядя на сладкий соблазнительный творог»), — то сходи сегодня и к обедне. Будет редкостная служба! Когда вырастешь, то такую службу поминать будешь!

На столе лежали душистые куличи с розовыми бумажными цветами, красные яйца и разбросанные прутики вербы. Всё это освещалось солнцем, и до того стало весело мне, что я запел:

— Завтра Пасха! Пасха Господня!

Василий Никифоров-Волгин

Нынѣ всѣ исполнѣша свѣта, нѣбо же и земля и преисподнѣя:
да празднуетъ оубо всѣ тварь востанѣе хрѣтово, въ немже оутверждаетсѣ.

Великая Суббота, вечер. В доме тихо, все прилегли перед заутреней. Я пробирюсь в зал — посмотреть, что на улице. Народу мало, несут пасхи и куличи в картонках. В зале обои розовые — от солнца, оно заходит. В комнатах — пунцовые лампы, пасхальные: в Рождество были голубые?.. Постлали пасхальный ковер в гостиной, с пунцовыми букетами. Сняли серые чехлы с бордовых кресел. На образах веночки из розочек. В зале и в коридорах — новые красные «дорожки». В столовой на окошках — крашеные яйца в корзинах, пунцовые: завтра отец будет христосоваться с народом. На пуховых подушках, в столовой на диване, — чтобы не провалились! — лежат громадные куличи, прикрытые розовой кисейкой, — остывают. Пахнет от них сладким теплом душистым. Тихо на улице. Со двора поехала мохнатая телега, — повезли в церковь можжевельник. Совсем темно. Вспугивает меня нежданный шепот:

— Ты чего это не спишь, бродишь?..

Это отец. Он только что вернулся.

Я не знаю, что мне сказать: нравится мне ходить в тишине по комнатам и смотреть, и слушать, — другое всё! — такое необыкновенное, святое.

Отец начинает опрашивать лампы. Это он всегда сам: другие не так умеют. Он ходит с ними по комнатам и напевает вполголоса: «Воскресение Твое Христе Спасе... Ангели поют на небеси...» И я хожу с ним. На душе у меня радостное и тихое, и хочется отчего-то плакать. Смотрю на него, как становится он на стул, к иконе, и почему-то приходит в мысли: неужели и он умрет!.. Он ставит рядом лампы на жестяном подносе и зажигает, напевая священное. Их очень много, и все, кроме одной, пунцовые. Малиновые огоньки спят — не шелохнутся. И только одна, из детской, — розовая, с белыми глазками, — ситцевая будто. Ну, до чего красиво! Смотрю на сонные огоньки и думаю: а это святая иллюминация, Боженькина. Я прижимаюсь к отцу, к ноге. Он тербит меня за щеку. От его пальцев пахнет душистым, афонским маслом.

— А шёл бы ты, братец, спать?

От сдерживаемой ли радости, от усталости этих дней или от подбравшейся с чего-то грусти, — я начинаю плакать, прижимаюсь к нему, что-то хочу сказать, не знаю... Он подымает меня к самому потолку, где сидит в клетке скворушка, смеётся зубами из-под усов.

— И устал же я, братец... а всё дела. Сосни-ка лучше, поди, и я подремлю немножко.

О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами... И теперь ещё слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в раздумьи голос:

— Ангели поют на не-бе-си-и...
Таинственный свет, святой. В зале лампы только. На большом подносе — на нём я могу

Илья Каверзнев «Светлое Воскресение»

ПАСХА

улежся — темнеют куличи, белеют пасхи. Розы на куличах и красные яйца кажутся чёрными. Входят на носках двое, высокие молодцы в поддёртках, и бережно выносят обвязанный скатертью поднос. Им говорят тревожно: «Ради Бога, не опрокиньте как!» Они отвечают успокоительно: «Упаси Бог, побережёмся». Понесли святить в церковь.

Идём в молчаньи по тихой улице с Горкиным, в темноте. Звёзды, тёплая ночь, пахнет весной. Слышны шаги в темноте, белеют узелочки.

В ограде парусинная палатка, с приступочками. Пасхи и куличи, в цветах, — утыканы изюмом. Редкие свечечки. Пахнет можжевельником священо.

Горкин ведёт меня в церковь, где ещё темновато, прикладывает к малой Плащанице на столике: большую, на Гробе, унесли. Образа в розанах. На мерцающих в полутьме паникадилах висят зажигательные нити. В ногах возится можжевельник. Священник уносит Плащаницу на голове. Горкин в новой поддёртке. Свечка у него красная, обвита золотцем.

Мы стоим с зажигальником у нитки. С паперти подают — идёт! Уже слышно:

— Ангели по-ют на небеси-и-и!

Сияют кресты на крыльях, у карнизов. На белой церкви светятся мягко, как молочком, матово-белые кубастики, розовые кресты меж ними, зелёные и голубые звёзды. Сияет — Х. В. На пасочной палатке тоже пунцовый крестик. Вспыхивают бенгальские огни, бросают на стены тени — кресты, хоругви, шапку архиерея, его трикирий. И всё накрыло великим гулом, чудесным звоном из серебра и меди.

Хрис-тос воскре-се из ме-ртвых...

— Ну, Христос Воскресе... — нагибается ко мне радостный, милый Горкин.

Трижды целует и ведёт к нашим в церковь. Священно пахнет горячим воском и можжевельником. ...смер-тию смерть... по-пра-ав!..

Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звонит утро. Пасха, красная.

Иван Шмелёв

Отрывок из романа «Лето Господне»

Пасхальные вести

Весть, что люди стали мучить Бога,
К нам на север принесли грачи...
Потемнели хвойные трущобы,
Тихие заплакали ключи...
На буграх камня обнажили
Лысины, покрытые в мороз...
И на камни стали капать слёзы
Злой зимой очищенных берёз.

И другие вести, горше первой,
Принесли скворцы в лесную глушь:
На кресте распятый, всех прощая,
Умер Бог, Спаситель наших душ.
От таких вестей сгустились тучи.
Воздух бурным зашумел дождём...
Поднялись, морями стали реки
И в горах пронёсся первый гром.

Третья весть была необычайна:
Бог воскрес, и смерть побеждена!
Эту весть победную примчала
Богом воскрешённая весна...
И кругом леса зазеленели,
И теплом дохла грудь земли,
И, внимая трелям соловьиным,
Ландыши и розы зацвели.

Яков Полонский
1888-1890

Пасха

Воскресение Христово...
Выше счастья в мире нет,
Чем с Творцом соединенье —
Жизни истинной рассвет.

Ты воскрес, чтоб мы воскресли,
Миром жили, теплотой,
Милосердием небесным
И любовью святой.

И воскреснут наши души,
Лишь всем сердцем призови
Дух чудесного смиренья —
Семя мудрости, любви.

Любим, верим, есть надежда!
В сердце златом напиши...
Воскресение Христово —
Воскресение души.

Вот и празднуем мы ныне
Это Чудо из чудес,
День Сияющей Победы,
Мир спасен — Христос воскрес!

Тарасов Андрей, прихожанин
2014

Главный редактор: настоятель Богородицерождественского храма протоиерей Борис Куликовский

Ответственный редактор: Светлана Попова

Дизайн, вёрстка: Александр Опалев

Корректор: Татьяна Хохлова

Адрес редакции: 141080, г. Королёв, Московская область, ул. Калининградская, д.1. Тел.: (498) 602-91-80. www.hrampkostino.ru

Подписано в печать: 17.04.2014

Отпечатано в ООО «Витапресс Графика». 141070 г. Королёв, ул. Пионерская, д.2. Заказ №2161 от 17.04.2014. Тираж 300 экз. Объём 1 п.л. Печать офсетная.

Банковские реквизиты храма:

Получатель: Богородицерождественский храм
ИНН 5018023872 КПП 501801001
ОСБ 2570 г. Королёв
Банк получателя:
Сбербанк России г. Москва
р/с 40703810240170100159
к/с 30101810400000000225
БИК 044525225

Газета издаётся с ноября 2008 г. Благотворительным фондом «Новый Иордан».

Банковские реквизиты Фонда:

Получатель: Благотворительный фонд «Новый Иордан»
ОГРН: 1075000011030 ИНН: 5018122672
КПП: 501801001
Р/с: 40703810640170000503 в Акционерном коммерческом Сберегательном банке Российской Федерации (открытое акционерное общество) Королёвское отделение № 2570
К/с: 30101810400000000225 БИК: 044525225